

М. Е. БЫЧКОВА

ГЕНЕАЛОГИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В последние годы в советской историографии все чаще отмечается, что вспомогательные исторические дисциплины, выходя за рамки узкого профессионализма, приобретают большое значение при решении конкретных проблем исторического исследования.¹ Изучение актового формуляра (дипломатика) дает материал для выводов по истории земельной политики; систематизация булл (сфрагистика) приводит к изучению зарождения и формирования древнейших форм государственного аппарата; палеография и кодикология помогают проникнуть в недра идейно-политической борьбы.

Генеалогия также все чаще становится необходимой составной частью исторического исследования, но ее значение как вспомогательной исторической дисциплины, круг задач и источников до сих пор полностью не определены.

Поэтому прежде чем перейти к обзору современных видов генеалогического исследования, которое встречается в исторической литературе, и развития генеалогии в наше время, будет интересно проследить, как менялось само определение понятия «генеалогия» в трудах историков.

Небольшой, но яркий очерк состояния и задач генеалогии помещен в книге А. М. Большакова.² Принципиально новым в его определении задач генеалогии было то, что, исходя из понятия

¹ Черепнин Л. В. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет. — Советские архивы, 1967, № 5, с. 130—137; Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы, М., 1969, с. 436—438; Янин В. Л. Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории (нумизматика, сфрагистика, эпиграфика, весовая метрология). — Археографический ежегодник за 1969 год, М., 1971, с. 200—204.

² Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924, с. 173—189.

генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины, он видел в ней составную часть исторического исследования. «Задача науки генеалогии состоит, с одной стороны, в выявлении происхождения индивидов в преемственной их последовательности одного от другого и объединении их в семью, поколение и единый род; с другой стороны — в установлении влияния этого рода и его звеньев на общий ход исторического процесса народа или на отдельные моменты его исторической жизни».³

А. М. Большаков разграничивал научную и практическую генеалогию. Последняя в отдельных странах имеет значение при прохождении службы и установлении прав на собственность. Он указал, что после Октябрьской революции эта генеалогия в России умерла. Но научная генеалогия, обслуживающая историю, литературоведение и другие науки, всегда будет сохранять свое значение.

Остановившись на научной разработке и методах генеалогии, осветив состояние ее источников и их использование в конкретных исследованиях, автор пришел к неутешительному выводу: «Итак, курсов по русской генеалогии у нас не читалось и не читается. Литература чисто теоретического характера тоже отсутствует. Отсюда явствует, что генеалогия из всех вспомогательных исторических дисциплин, пожалуй, находится в самом худшем положении».⁴

В дальнейшем задачи генеалогии как вспомогательной дисциплины часто сужались. Уже С. Н. Быковский ограничил их исследованием истории семьи⁵ и некоторыми источниковедческими проблемами, сводящими генеалогию к выяснению конкретных источниковедческих вопросов о происхождении письменных памятников, личности их авторов, социальной среды, из которой вышел памятник.⁶

С. Б. Веселовский, неоднократно использовавший генеалогические сведения при исследовании различных проблем русского феодализма, сформулировал задачи генеалогии исходя из своих работ: генеалогия «устанавливает родственные связи лиц, действовавших на исторической арене».⁷ Генеалогия занимается не только историей родовитых людей, но вообще проблемами родственных отношений лиц. С. Б. Веселовский первый признал необ-

³ Там же, с. 173.

⁴ Там же, с. 181.

⁵ «Специальная разработка вопросов, относящихся к истории той или иной исторической фамилии, составляет предмет особой вспомогательной исторической науки — генеалогии» (Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1934, с. 113).

⁶ Быковский С. Н. Методика исторического исследования, с. 113. — В отличие от А. М. Большакова, который написал о генеалогии самостоятельный очерк, С. Н. Быковский изложил ее предмет и задачи в разделе «Собственные имена лиц».

⁷ ААН СССР, ф. 620, оп. 1, ед. хр. 97, л. 23.

ходимость генеалогии при исследовании истории «крестьянского населения какого-нибудь района».⁸

А. А. Введенский, написавший обширные генеалогические работы о семье Строгановых и в том числе первую конкретную генеалогическую работу о крестьянской семье, полагал, что «ряд вспомогательных исторических наук отжил свое время и не получает развития в советском источниковедении. Такими являются: генеалогия — учение о родословии дворянских, княжеских и графских родов».⁹ Автор видел задачу этой дисциплины в том, чтобы составлять генеалогические справки о героях социалистического труда, ударниках, которые «помогут советским историкам проследить, как благотворно воздействует советская действительность... на нашу рабочую, колхозную и интеллигентскую молодежь».¹⁰

Сходное мнение высказал А. И. Гуковский. Отрицая значение практической дворянской генеалогии, он писал, что «в наши дни перед генеалогией неожиданно открывается новое и гораздо более широкое и плодотворное поле деятельности, связанное с изучением исторических источников новой социалистической эпохи».¹¹ А. И. Гуковский видел задачи генеалогии в изучении «массовых явлений в жизни строителей коммунизма», которое обеспечит «исторической науке еще один источник для глубоких социальных обобщений».¹²

Нужно сразу отметить, что приведенные выше работы А. А. Введенского и А. И. Гуковского посвящены источниковедению советского периода. Несомненно, определение задач генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины, впервые сделанное ими применительно к истории нашего времени, является большим достижением. В то же время отрицание задач генеалогии для исследований более раннего периода, как представляется, можно объяснить, с одной стороны, отсутствием специальных работ, где бы они были сформулированы, а с другой — исчезновением функций практической генеалогии, что было отмечено А. М. Большаковым еще в 1924 г. Утрата этих практических задач была перенесена А. А. Введенским и А. И. Гуковским на генеалогию как вспомогательную историческую дисциплину вообще.

Однако в работах, посвященных истории русского феодализма, генеалогия все время оставалась составной частью исследования, и ее задачи в этой области были сформулированы А. А. Зиминим.

⁸ Там же.

⁹ Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. Киев, 1963, с. 202.

¹⁰ Там же, с. 203.

¹¹ Гуковский А. И. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины. — Вопросы истории, 1964, № 2, с. 58.

¹² Там же.

«Вопросы генеалогии боярских фамилий... представляют большой интерес для ведущих проблем общественно-политической истории России XIV—XVI вв. В самом деле, без генеалогических сведений нельзя понять ни историю феодального землевладения, ни складывание господствующего класса и централизованного аппарата власти, ни, наконец, сложных перипетий политической борьбы того времени».¹³ А. А. Зимин писал также, что генеалогия призвана изучать историю семей различного социального положения.¹⁴

В самое последнее время появилось несколько работ, где задачи генеалогии сформулированы применительно к разным периодам и источникам истории. А. И. Аксенов считает, что генеалогия не должна ограничиваться фактом установления родства между отдельными лицами, необходимо использовать эти факты «как основу для исследования политических, социальных, экономических причин и условий формирования и развития определенных лиц или целых социальных групп».¹⁵ Генеалогия в наше время, по мнению автора, «выступает в качестве специальной исторической дисциплины, в которой находит ныне выражение не просто установление фактов родства, но и их историческое осмысление».¹⁶

Более четко и применительно к историческим проблемам современности это последнее положение А. И. Аксенова раскрыто в статье А. В. Елпатьевского. Автор справедливо отмечает, что определение генеалогии, подчеркивающее ее практический характер, которое мы находим в работах дореволюционных генеалогов, перенесено почти полностью в современные справочники, и это не позволяет достаточно глубоко выявить специфику генеалогии, как вспомогательной исторической дисциплины.¹⁷ «Генеалогия и ее проблематику следует рассматривать не только как чисто прикладную дисциплину, не только как техническое средство или комплекс методов, а представить ее как дисциплину историческую по самой своей сути, данные которой являются необходимым элементом раскрытия исторического процесса».¹⁸ Исходя из таких рассуждений, автор дает свое определение этой дисциплины. «Нам представляется, что предметом генеалогии является изучение семейно-родственных связей и социального происхождения конкретных исторических лиц. Проблематику же генеалогии,

¹³ Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. — Археологический ежегодник за 1963 год. М., 1964, с. 56.

¹⁴ Зимин А. А. Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов. — Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР, М., 1965, т. I, с. 129.

¹⁵ Аксенов А. И. Генеалогия. — Вопросы истории, 1972, № 10, с. 206.

¹⁶ Там же, с. 211.

¹⁷ Елпатьевский А. В. О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований. — Археологический ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 73—75.

¹⁸ Там же, с. 75.

ее задачи на современном этапе можно определить как выяснение через систему биографий этих лиц социально-исторического значения названных факторов (т. е. семейно-родственных связей и социального происхождения) в общем ходе исторического процесса». ¹⁹

Как кажется, А. В. Елпатьевский в своем общем определении генеалогии не только не учел ее задач при исследовании проблем русского средневековья, но даже сузил ее научное значение сравнительно с определением генеалогии в работах русских медиевистов.

Само определение, предложенное автором, также несколько путаное: «социальное происхождение конкретных исторических лиц» генеалогическим путем определяется через их «семейно-родственные связи», следовательно, обе части определения предмета генеалогии просто повторяют друг друга. Кроме того, сейчас нет четкого разграничения между биографическим и генеалогическим исследованием, и предложенное А. В. Елпатьевским определение вносит еще большую путаницу в этот вопрос. А. В. Елпатьевский очень ясно видит задачи генеалогии в исследовании формирования классового общества, ²⁰ и его формулировки этих задач наиболее четки. Но общий круг предложенных им проблем генеалогического исследования скорее относится к истории нового времени. ²¹ Но определение А. В. Елпатьевского совершенно не раскрывает задач генеалогии применительно к историческим исследованиям других периодов, как и не раскрывает оно представления о специфике генеалогического исследования и его источниках.

Мы считаем генеалогией вспомогательную историческую дисциплину, изучающую родственные связи между отдельными лицами и историю семей различного социального происхождения. Наряду с собственно генеалогическими источниками — родословными росписями и книгами, генеалогическими таблицами и т. д. — источником для генеалогии является весь комплекс сохранившихся письменных памятников, материалы таких наук, как археология, нумизматика, сфрагистика, эпиграфика, а также памятники искусства — все, что связано с человеческой деятельностью и может дать сведения об отдельных людях и семьях. Генеалогия, кроме разработки методики исследования своих собственных источников, собирает биографические сведения о лицах из всех памятников, устанавливает их достоверность, а также связь определенного круга известий об одном лице так, чтобы из отдельных сообщений различных источников получить единый

¹⁹ Там же, с. 75—76.

²⁰ Там же, с. 76—77.

²¹ Сделав упор на социологическом аспекте генеалогических исследований, А. В. Елпатьевский не учел значения генеалогии при исследовании демографических вопросов, а также истории архивного дела, что является актуальными задачами современной генеалогии.

комплекс фактов, касающихся деятельности и родственных связей различных лиц и семей. Собранные и систематизированные генеалогические данные могут быть прочной основой для исследований, посвященных самым разнообразным вопросам истории формирования классов, землевладения, образования и становления государственного аппарата, общественно-политических идей, а также при работах с такими вспомогательными историческими дисциплинами, как нумизматика, сфрагистика, дипломатика, археография и др., и при решении проблем литературоведения и искусствоведения.

Исходя из такого понимания генеалогии и ее задач, мы остановимся преимущественно на ее использовании в источниковедении (разработка методики источниковедческого анализа генеалогических памятников) и на тех новых элементах генеалогического исследования, которые мы находим в различных исторических работах нашего времени.

Несомненным достижением современной генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины является расширение источниковедческой базы и разработка новых методов, позволяющих использовать эти источники в полном объеме.

Прежде всего это относится к таким специфическим источникам генеалогии, как родословные и разрядные книги. В дореволюционной историографии господствовало представление об официальном (Государев разряд и Государев родословец) и частном происхождении источников.²² В этой теории было свое разумное начало: выработывались признаки, по которым из всей массы сохранившихся списков разрядных и родословных книг можно было выбрать те, которые своим происхождением связаны с государственной канцелярией и отражают официальное приказное делопроизводство. Но, с другой стороны, вне исторического исследования оставалась основная масса списков с их богатым фактическим содержанием, поскольку такие книги признавались частными и, соответственно, недостоверными.

Естественно, что историк стремится в своей работе привлекать источники в их полном объеме, а это требует разработки методов, позволяющих изучить и систематизировать все сохранившиеся списки одного памятника. В настоящее время в работах В. И. Буганова и автора настоящей статьи исследованы все дошедшие до нас редакции разрядных и родословных книг.²³ Такой анализ, когда в результате обследования полного комплекса сохранившихся рукописей выявляются их редакции, связь списков

²² Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 349—419.

²³ Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

внутри каждой редакции и связь между отдельными редакциями, источники, лежащие в основе записей, и достоверность сообщаемых этими памятниками сведений, позволяет использовать в историческом исследовании эти книги в полном объеме. Такая же работа по изучению списков Тысячной книги 1550 г. была проделана при ее публикации.²⁴ Сейчас практически собран материал для научной публикации разрядных и родословных книг.

Исследование Сказания о князьях владимирских и связанного с ним цикла литературно-публицистических произведений²⁵ дает возможность изучить историю создания родословной легенды московских великих князей и роль генеалогических памятников в идейной борьбе XV—XVI вв.

Дальнейшее изучение русских летописных сводов XV—XVI вв. позволило не только выявить полностью великокняжеские родословные росписи, помещенные в них (работа, начатая А. А. Шахматовым²⁶), но и обнаружить генеалогические вставки, сделанные в интересах отдельных семей. Наблюдения А. Н. Насонова показали, что во владычные летописные своды конца XV—XVI в. включались не только известия биографического характера, как в Ермолинскую летопись, но и целые родословные легенды.²⁷ Причем в основном появление таких записей связано с деятельностью Троице-Сергиева монастыря.²⁸ Исследуя разные редакции списка новгородских посадников, помещенного в новгородских летописных сводах, В. Л. Янин пришел к выводу, что первоначально в списке был выдержан хронологический принцип записи лиц, но уже в начале XV в. он был отредактирован в генеалогическом плане, т. е. рядом записаны лица, состоявшие в родстве, даже если между сроком исполнения ими должности существует большой временной разрыв.²⁹

Такие источниковедческие исследования различных памятников расширяют круг специфических генеалогических источников и существенно расширяют наше представление о зарождении родословных знаний на Руси, ранних формах генеалогических источников и истории генеалогии.

Генеалогия занимает большое место в развитии таких вспомогательных исторических дисциплин, как нумизматика, сфра-

²⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подготовил к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950.

²⁵ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955; Зимин А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972, с. 128—138.

²⁶ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 173—174, 201—202, 216—217 и сл.

²⁷ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 323—334, 351—358.

²⁸ Там же, с. 316—320, 359—360.

²⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 26—36.

гистика, дипломатика. Само развитие этих наук, систематизация и исследование массового материала в советской историографии привели к тому, что материал нумизматики и сфрагистики стал базой для исторических работ, посвященных изучению зарождения и формирования государственного аппарата Древней Руси, политической истории русских княжеств.³⁰ Начало такому исследованию было положено А. В. Орешниковым, определившим монеты как источник, который «иногда является настоящим подспорьем при исторических исследованиях».³¹ А. В. Орешников видел в монетах источник по древнерусской генеалогии.³² Хронологическая таблица древнерусских монет, составленная при изучении истории чекана, сопоставима с генеалогической таблицей русских князей, выпускавших эти монеты. Для XIV—начала XV в. такие наблюдения важны, так как письменные источники сохранили о жизни отдельных княжеств лишь отрывочные записи, а родословные росписи XVI в. в известиях за этот же период, как правило, восходят к устным семейным преданиям и нуждаются в специальной проверке. Исследования А. В. Орешникова уже позволили уточнить отдельные родословные записи XVI в.

В дальнейшем эта работа была продолжена Н. Д. Мец.³³

Изучение княжеских булл позволило В. Л. Янину создать достаточно обоснованный список христианских имен русских князей XI—XIII вв., практически неизвестных письменным памятникам. Причем сведения, полученные при систематизации материалов сфрагистики, четко соотносятся с генеалогической таблицей князей, составленной по летописям и актам из их княжеских имен.³⁴

Привлечение нового круга массовых источников смежных исторических дисциплин для исследований по древнерусской генеалогии — достижение советской исторической науки. Дореволюционная историография лишь иллюстративно использовала в генеалогических работах те немногочисленные памятники, принадлежность которых отдельным князьям была известна.

После Великой Октябрьской социалистической революции стал доступен для исследования и публикации массовый актовый материал, в основном из монастырских архивов. Это открыло новые возможности для генеалогии. Частные акты являются тем источником, по которому можно наиболее точно проследить историю землевладения, переход отдельных владений из одной семьи

³⁰ Янин В. Л. Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории... с. 200—204.

³¹ Орешников А. В. Значение нумизматики как вспомогательной дисциплины истории. — Труды секции археологии РАНИОН, вып. IV, М., 1928, с. 357.

³² Там же, с. 358.

³³ Мец Н. Д. Ярославские князья по нумизматическим данным. — Советская археология, 1960, № 3.

³⁴ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси, т. I—II. М., 1970.

в другую, брачные связи между различными семьями. Отметим, что в древнерусских родословных росписях женские имена — большая редкость, а упоминания о свадьбах единичны.

Кроме того, круг семей, восстанавливаемый по актам, часто отличается от круга, записанного в родословных росписях. Для XVI—XVII вв. сохранились родословия верхушки правящего класса, рядовая масса дворянства, служившего по городам, в родословные книги не попала, поэтому акты часто являются тем источником, по которому можно составить родословную таблицу таких семей.

Большая заслуга разработки метода анализа актового материала в генеалогическом исследовании принадлежит С. Б. Веселовскому. Можно с полной уверенностью сказать, что возрождение генеалогического исследования в советской исторической науке связано с его именем. С. Б. Веселовский занимался историей древнерусской вотчины, и реконструкция первоначального ее состава, исследование состава вотчинников привели его к занятиям генеалогией. Всей своей работой (С. Б. Веселовский написал монографические исследования по истории крупнейших русских княжеских и боярских семей³⁵) он показал, что при решении ряда вопросов землевладения, складывания класса феодалов, образования государственного аппарата и др. конкретное генеалогическое исследование необходимо и дает новые аспекты освещения исторических проблем.

Особый интерес представляют его исследования по истории мелких вотчинников, частично включенные в монографию «Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.», в которых генеалогические таблицы различных семей составлены на основе актов. Впервые в русской генеалогии С. Б. Веселовский здесь разрабатывает методiku реконструкции родственных связей между отдельными лицами при отсутствии современных родословных росписей.³⁶

Источником, дающим сведения по истории семьи древнерусского города, являются берестяные грамоты. Их отличием от документов, дошедших до нас в составе архивов, является то, что как датирующим признаком, так и признаком, связывающим каждую грамоту с целым кругом археологических памятников, являются их стратиграфические данные.

Богатство известий берестяных грамот в генеалогическом ас-

³⁵ Веселовский С. Б. 1) Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г. — Исторические записки, 1939, т. 5, с. 31—42; 2) Из истории древнерусского землевладения. — Там же, 1944, т. 18, с. 56—94; 3) Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — Там же, 1947, т. 22, с. 101—131; 4) Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947; 5) Исследования по истории опричнины. М., 1963; 6) Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

³⁶ Веселовский С. Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, с. 56—68; ср. ААН СССР, ф. 620, ед. хр. 30, л. 2—44 об.

пекте раскрыто в работах В. Л. Янина. Комплексный анализ письменных источников и археологического материала позволил автору осветить жизнь феодальных семей во всех аспектах — экономическом, политическом, культурном, а также связать ее с политической борьбой в Новгородской республике.³⁷

В работах В. Л. Янина, где данные археологии проверяются и дополняют известия письменных источников, виден новый метод генеалогического исследования, представляющий синтез известий сфрагистики, письменных источников, памятников материальной культуры. Все, даже самые мелкие известия об одном лице образуют единую цепь, связывающую события политической жизни.³⁸

История бытования родословия великих князей литовских в Русском государстве XV—начала XVI в., причины создания различных редакций этого родословия изучены В. Т. Пашуто.³⁹ Кроме этого, автор впервые в русской историографии опубликовал таблицы матриониальных связей русской княжеской династии с иностранными дворами XI—середины XIII в.⁴⁰

Появившиеся в последние годы работы по истории землевладения, складывания правительственного аппарата Русского государства и др. часто содержат конкретные генеалогические исследования, посвященные истории отдельных фамилий. Такой работой является монография А. И. Копанева,⁴¹ где собран значительный круг сведений о роде Монастыревых, отдельных фамилий Белозерских князей (Кемских, Ухтомских и др.). Подробно исследована легенда родословных книг о происхождении рода Монастыревых и на основе других источников показаны ее полная состоятельность и возможное использование семейных преданий при ее составлении.

Вкладом в развитие русской генеалогии являются работы А. А. Введенского о Строгановых.⁴² При изучении истории этого рода впервые в русской историографии появилась генеалогическая работа, посвященная истории крестьянской семьи.⁴³ В рабо-

³⁷ Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. М., 1962; 2) Заметки о новгородских берестяных грамотах. — Советская археология, 1965, № 4, с. 104—123; 3) Я послал тебе бересту... М., 1975.

³⁸ Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962; Янин В. Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк. — Нумизматика и эпиграфика, М., 1963, вып. IV.

³⁹ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 67—74 и сл.

⁴⁰ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

⁴¹ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

⁴² Введенский А. А. 1) Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962; 2) Крестьяне Строгановы в XVI—XIX вв. — Труды Тбилисского государственного университета, 1939, т. X.

⁴³ Элементы генеалогического исследования крестьянских фамилий мы находим в работах Ю. Г. Алексеева, А. И. Копанева, Н. Е. Носова.

тах А. А. Введенского дана полная история рода Строгановых, большое внимание уделено и экономическому росту отдельных ветвей дома и связи их с московским правительством.

Генеалогии в ее социально-политическом аспекте посвящены работы В. Б. Кобрин.⁴⁴ Составленный им список опричников является самым полным не только по количеству упомянутых лиц, но и по объему собранных о них сведений. Если подходить к оценке этой работы с точки зрения генеалогического исследования, то можно утверждать, что здесь впервые объединены социально-экономическое и социально-политическое исследования при изучении истории отдельных фамилий.

Большое значение для генеалогии имеют работы А. А. Зимина по истории государственного аппарата России XVI в.⁴⁵ Вопросы генеалогии в них тесно связаны с вопросами образования государственного аппарата, как центрального, так и местного. Основное значение этих трудов заключается в том, что в них решаются вопросы социально-политической истории России конца XV—XVI в. Но, помимо этого, они содержат массу сведений о службе, родстве, участии в политической жизни всех лиц, занимавших какое-либо официальное положение в это время.

В трудах А. А. Зимина новый метод генеалогического исследования: отбор биографических сведений об отдельных лицах сочетается в них с источниковедческим анализом документов, содержащих эти сведения.

Все больше внимания уделяется генеалогии купеческих и промышленных родов. Это и происхождение, и складывание в XV—XVII вв. купеческих фамилий, и их история в более позднее время.⁴⁶ Фактически эти работы освещают историю русской буржуазии.

Большой интерес представляют методы генеалогического анализа документов личного состава правительственных учреждений середины XVIII в., предпринятые С. М. Троицким.⁴⁷ Это пер-

⁴⁴ Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного. — Археологический ежегодник за 1959 год. М., 1960. — Составу земщиков в это же время посвящена работа С. С. Печуро «Земские служилые люди в годы опричнины» (Труды МГИАИ, 1961, т. 16).

⁴⁵ Зимин А. А. 1) Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — Археологический ежегодник за 1957 год. М., 1958; 2) О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV—XVI в. — Исторические записки, 1958, т. 63; 3) Список наместников Русского государства первой половины XVI в. — Археологический ежегодник за 1960 год. М., 1962.

⁴⁶ Зимин А. А. Земский собор 1566 г. — Исторические записки, 1961, т. 71; Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводоладельцы. М., 1962; Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. («Лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. I. Л., 1968, с. 227—269.

⁴⁷ Троицкий С. М. 1) Материалы переписи чиновников в 1754—1756 гг. как источник по социально-политической и культурной истории России XVIII в. — Археологический ежегодник за 1967 год. М., 1969,

вый опыт в советской историографии массового исследования генеалогических памятников того времени.

Значительное место занимает генеалогия в работах, посвященных общественно-политической истории, но здесь больше сделано литературоведами, которые часто привлекают генеалогию при датировке, атрибуции произведений, при изучении биографии общественных деятелей.⁴⁸

При исследовании истории общественно-политических движений генеалогические наблюдения часто помогают решить важные проблемы, например вопросы формирования первых политических организаций. Большая работа проделана М. В. Нечкиной, которая подробно исследовала родственные связи декабристов, проследила взаимоотношения между членами организаций, предшественниц Южного и Северного обществ.⁴⁹ Такие сведения помогают автору при источниковедческом анализе следственных дел декабристов.

Особенно интересны генеалогические известия, приведенные М. В. Нечкиной в исследовании о формировании мировоззрения и деятельности А. С. Грибоедова.⁵⁰

Все родственные и дружеские связи А. С. Грибоедова, начиная с детских лет и учебы в Московском университете, прослеженные автором, показывают его тесные отношения со многими деятелями, принимавшими участие в тайных организациях 20-х годов XIX в. Именно эти сведения вопреки показаниям декабристов во время следствия и показаниям самого Грибоедова дают возможность М. В. Нечкиной сделать вывод об участии Грибоедова в движении декабристов и о его влиянии на них.⁵¹ Установление родственных связей Грибоедовых с Паскевичами позволяет определить, почему Грибоедов был освобожден из-под следствия.

Аналогичная работа проделана Э. С. Виленской при исследовании формирования революционного подполья 60-х годов XIX в.⁵²

Знание генеалогии необходимо для целенаправленного розыска исторических документов при комплектовании архивов. Принципиальные вопросы такого поиска поставлены в статье О. В. Петровой.⁵³ Автор выделяет два момента, когда необходимы генеалогические поиски: при определении круга лиц, у которых в первую очередь следует искать документы любого деятеля (его непосред-

с. 132—148; 2) Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.

⁴⁸ Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964; Шторм Г. П. Потаенный Радищев. М., 1965, и др.

⁴⁹ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. I. М., 1955, с. 89—92.

⁵⁰ Нечкина М. В. 1) Следственное дело об А. С. Грибоедове. М., 1945; 2) Грибоедов и декабристы. М., 1951.

⁵¹ Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы, с. 73—78, 140—150 и сл.

⁵² Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, с. 242—246 и сл.

⁵³ Петрова О. В. Генеалогия и поиск документов личного происхождения XIX—начала XX века. — Советские архивы, 1973, № 2, с. 33—38.

ственные потомки, потомки его родственников и друзей); и при установлении подлинности документов, так как только они позволят проследить цепочку лиц от автора до последнего владельца.⁵⁴ О. В. Петрова не только разрабатывает теоретические посылки такого поиска, но и дает обзор фондов генеалогов XIX—XX вв., материалы которых могут служить справочниками в генеалогических исследованиях. Этот большой вопрос — генеалогия и архивное дело — поставлен в нашей науке впервые и требует дальнейшей разработки.

Формируется генеалогическое исследование и при изучении различных вопросов истории советского общества. Разрабатывается методика обработки массового материала для таких исследований.⁵⁵ Наибольшее развитие генеалогия получает пока в социологических исследованиях, где изучение истории семьи связано с изучением формирования социальной структуры общества, истории классов.⁵⁶ В связи с этим все чаще встает вопрос о необходимости изучать историю рабочих и крестьянских династий, поскольку такие конкретные исследования могут быть основой для обобщающих работ. Но такие работы еще не получили широкого распространения.

Приведенный обзор современной литературы, как специально посвященной генеалогии, так и использующей генеалогические наблюдения при решении различных исторических проблем, показывает, что в советской исторической науке генеалогия как вспомогательная историческая дисциплина получает все большее развитие. Уточняется представление о ее предмете, методах и источниках, что дает возможность сделать научное определение этой дисциплины. Существенно расширился круг источников генеалогии и совершенствуется метод их анализа. Очень важным является использование материалов других вспомогательных дисциплин истории как источников по генеалогии.

Но вместе с тем сказывается отсутствие специальных работ по генеалогии, где был бы обобщен конкретный метод, разработанный отдельными историками, и выработано ее научное определение применительно ко всем периодам истории. Кроме того, практически не привлекаются в исследованиях генеалогические документы XVII—XVIII вв., поскольку еще не выявлен их полный комплекс, не проведено источниковедческое исследование. У нас нет генеалогических монографий по истории складывания пролетариата, купечества, интеллигенции. А как показывают не-

⁵⁴ Такая работа была проделана О. В. Петровой при определении подлинности автографов А. С. Пушкина. См.: Эйделъман Н. Я. Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера. — В кн.: Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей, вып. 33. М., 1972, с. 316—317.

⁵⁵ Елпатьевский А. В. О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований, с. 72—88.

⁵⁶ Подробнее см.: Аксенов А. И. Генеалогия, с. 210—211.

многочисленные работы, их появление поможет полнее осветить формирование классов в России и различные аспекты политической борьбы.

Генеалогия как вспомогательная историческая дисциплина в советской историографии еще только формируется, но ее дальнейшее развитие будет способствовать решению самых разнообразных проблем истории.

А. А. ЗИМИН

СУЗДАЛЬСКИЕ И РОСТОВСКИЕ КНЯЗЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV—ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

Как показали труды С. Б. Веселовского,¹ генеалогические разыскания являются непременным условием изучения происхождения и состава русской феодальной аристократии XIV—XVI вв.

Когда В. О. Ключевский рисовал историю формирования Боярской думы,² то в основу своего исследования он положил так называемый Шереметевский список конца XVII в., который содержал огромное количество ошибочных данных.³ Во многом именно тем, что Ключевский не проводил специальные генеалогические разыскания по истории княжеских родов, объясняется и его ошибочный вывод о вхождении представителей крупных аристократических фамилий в Боярскую думу уже в конце XV в. Однако северские князата (Бельские, Мстиславские, Воротынские, Глинские, Трубецкие и др.) в это время находились на положении полуудельных властителей («служилых князей») и начали приобретать статус бояр только после 1530 г.⁴

Гораздо более сложной оказывается история включения в Боярскую думу наиболее влиятельных из княжат Северо-Восточной Руси — Ростово-Суздальских.

Суздальско-Нижегородское княжество было ликвидировано в конце XIV в. По завещанию 1423 г., Василий I передавал Нижний своему старшему сыну Василию.⁵ Суздаль, правда, там не

¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории классов служилых землевладельцев. М., 1969.

² См.: Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Пб., 1919.

³ Подробнее см.: Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969, с. 41 и сл.

⁴ Подробнее см.: Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве XV—XVI вв. — В кн.: Дворянство и крепостничество старой России XVI—XVIII вв. Сб. статей, посвященных памяти А. А. Новосельского. М., 1975, с. 23—56.

⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950 (далее — ДДГ), № 22, с. 61.